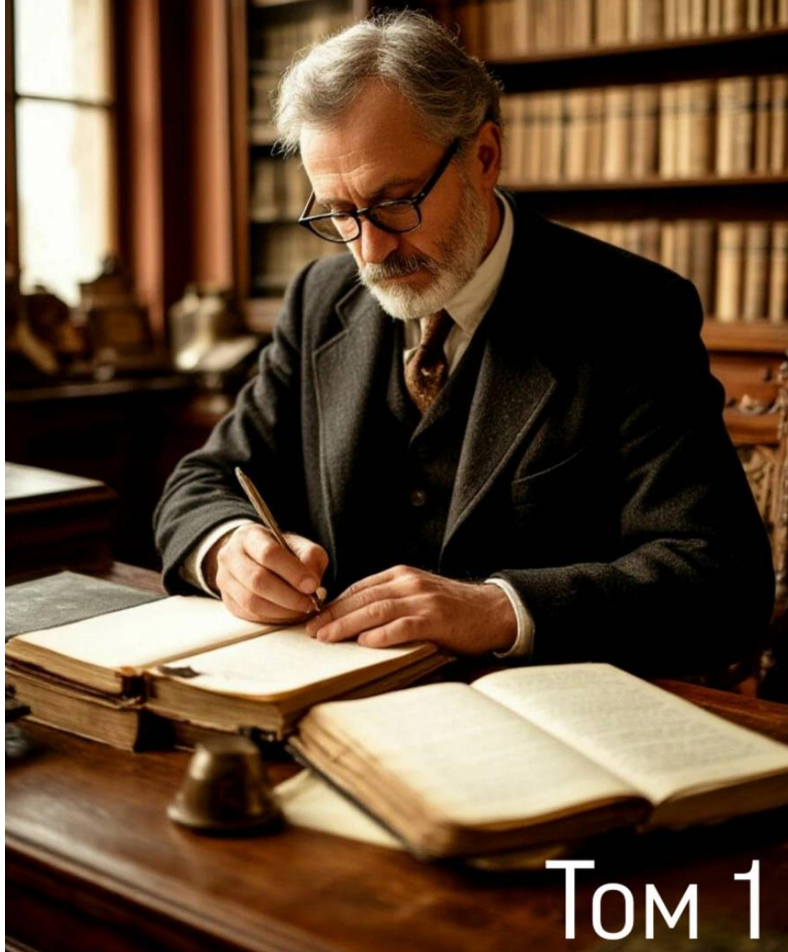

Инструкция по выживанию в Атлантиде

Том 1

Мистер Завтрак

Инструкция по выживанию в Атлантиде (Том 1)

<https://litres.ru/74187732>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Атлантиде порядок держится не на магии и силе, а на бланках, актах и неумолимой логике канцелярии. Здесь даже тишина требует регламента, мебель страдает от экзистенциальных кризисов, а скрепки могут оказаться носителями древних смыслов.

Архивариус Кракс, переводчик Ургул, жизнерадостный Слизи и невозмутимый Кальмар К-1 ежедневно спасают город от катастроф — от признания стола верховным правителем до пробуждения Архива Бесконечных Смыслов. Их оружие — не мечи и заклинания, а печати, протоколы и умение вовремя подписать «Акт о повышенной молчаливости шкафа».

Эта книга — абсурдная, смешная и по-своему жуткая хроника будней, где каждый документ таит угрозу, каждая полка шепчет тайны, а самое страшное проклятие звучит как «требуется дополнительная подпись». Смешивая юмор, лёгкий хоррор и гротескную бюрократию, история показывает: иногда самый надёжный щит от хаоса — это правильно заполненный бланк.

И, конечно, Кальмар К1 — он кивнёт в нужный момент и структурирует даже апокалипсис.

Мистер Завтрак
Инструкция по выживанию
в Атлантиде (Том 1)

Глава 1

Дневник 1. Часть 1. «Инструкция по предотвращению утопления государства (и почему она не помогает)»

Я, архивариус Кракс, официально заявляю: Атлантида не должна тонуть. Это записано в пункте 1.1 Устава Подводного Благоустройства, и если кто-то скажет, что «она и так под водой», я немедленно вызову инспектора по семантике. У нас есть специальная должность — инспектор по семантике, и он очень строгий. В прошлом месяце он оштрафовал библиотекаря за фразу «книга утонула в стопке бумаг». Библиотекарь потом неделю объяснял, что это была метафора, но инспектор сказал: «В Атлантиде метафоры должны быть зарегистрированы в отделе образных выражений, форма №17-М».

Сегодня утром я сидел в архиве, где даже пыль плавает по расписанию — у нас и на пыль есть график циркуляции. Я проверял последние отчёты о плавучести. Всё было в порядке, пока не пришёл Ургул. Он не пришёл, он ворвался, как шторм, который забыл предупредить о своём прибытии, а потом ещё и не извинился.

— Кракс! — заорал он, размахивая посохом так, будто хотел пробить дыру в потолке, которого у нас нет, потому что мы под водой. — Атлантида тонет!

Я спокойно отложил свиток «О правильном хранении водорослей в условиях повышенной влажности» и посмотрел на него. Этот свиток я перечитывал каждый день, потому что условия влажности в Атлантиде менялись по настроению океана, а водоросли были стратегическим ресурсом: из них делали чернила, клей, бинты и даже праздничные гирлянды.

— Ургул, — сказал я, — Атлантида уже под водой. Если она утонет ещё сильнее, мы попадём в другое измерение. Или в подвал. А подвалы у нас и так переполнены.

— Но она опускается! — настаивал он. — Я чувствую это коленом!

Это, кстати, была известная проблема: колено Ургула работало как барометр. Когда давление падало, колено ныло. Когда начинался шторм, колено предсказывало погоду точнее, чем магический шар, который вечно врал и к тому же был склонен к пессимизму. А когда Атлантида «опускалась», колено выдавало тревожный гул, похожий на пение китов, только менее мелодичное и с нотками паники.

Я вздохнул и достал из ящика стола «Инструкцию по предотвращению утопления государства», документ, который мы обновляли каждые три дня, потому что каждый новый министр предлагал свой способ удержания города на месте. Предыдущий министр, например, считал, что Атлантиду нужно просто очень убедительно попросить не тонуть. Он провёл три церемонии «Вежливой просьбы к гравитации», но гравитация, видимо, была занята.

Вот, например, официальная версия из пункта 1 инструкции:

> «Атлантида удерживается на месте силой коллективного убеждения граждан в том, что она не тонет».

Звучит абсурдно? Это Атлантида. Здесь абсурд — это стандарт качества, а здравый смысл — редкий артефакт, который хранится в сейфе под семью печатями и выдаётся только по особому разрешению.

Но кроме официальной версии, у нас было ещё 36 альтернативных теорий, аккуратно подшитых в отдельную папку с надписью «Не для публики, но все всё знают». Папка была толще, чем «Полное собрание законов о приливах и отливах», а это, поверьте, немало.

Я открыл папку и начал зачитывать:

— Теория первая: Атлантиду держат киты. Огромные, величественные киты, которые, по слухам, даже не знают, что держат целый город. Они просто плывут, а мы держимся за их плавники. Иногда киты делают резкие повороты, и тогда в городе объявляют «внезапный день морской болезни».

Ургул почесал подбородок.

— А если киты устанут?

— Тогда у нас есть теория вторая: Атлантида стоит на гигантской губке.

— На губке? — переспросил он. — Это же смешно.

— Это бюрократия, Ургул. Здесь смешно — это нормально. Более того, смешно — это признак качества. Если теория не вызывает хотя бы лёгкого недоумения, её не принимают в папку.

Теория третья гласила, что город удерживается силой бюрократии: чем больше бумаг мы подписываем, тем тяжелее становится Атлантида, и тем сложнее ей утонуть. Я лично

верил в эту теорию больше всего, потому что видел, сколько бумаг мы производим ежедневно. У нас даже был специальный отдел «Утяжеления города документами», и его сотрудники гордились тем, что за прошлый квартал они добавили городу примерно две тонны веса только за счёт актов и протоколов.

Теория четвёртая: Атлантида — это иллюзия, созданная министерством иллюзий. То есть, на самом деле, никакого города нет, и мы все — часть большого эксперимента. Эта теория особенно нравилась Слиззи, который утверждал, что он сам — часть декорации и иногда исчезает, чтобы «обновить текстуру». Он говорил это с такой серьёзностью, что я каждый раз проверял, не расплылись ли у меня края.

Теория пятая: город держится на обещаниях. Обещаниях министров, магов и даже простых граждан, что «всё будет хорошо». Чем больше обещаний, тем крепче держится Атлантида. Проблема была в том, что обещания имели свойство испаряться, особенно в условиях повышенной влажности. У нас даже была статистика: в дождливые недели уровень «обещаний» падал на 15 процентов, и город слегка проседал.

Пока я зачитывал теории, Ургул ходил по комнате и периодически прислушивался к своему колену.

— Оно гудит, — сообщил он. — Громко. Почти как хор морских анемонов в полнолуние.

— Значит, нужно подписать ещё несколько документов, — невозмутимо ответил я. — Для массы. Масса — это наше всё.

И мы сели подписывать.

«Акт о подтверждении плавучести на текущий день» — 1 экземпляр.

«Протокол о состоянии убеждений граждан» — 2 экземпляра, потому что один мог намокнуть, а второй — потеряться по дороге в канцелярию.

«Декларация о том, что Атлантида не тонет, несмотря ни на что» — 3 экземпляра, потому что один мы оставляли себе, второй отправляли в министерство, а третий вешали на видное место, чтобы напоминать себе, что мы не тонем.

Когда мы закончили, колено Ургула немного успокоилось. Не потому, что документы реально помогали, а потому, что бюрократия имела успокаивающий эффект. Как колыбельная, только из слов «утверждаю», «согласовано» и «на контроль».

Но тут в дверь постучали. Не просто постучали, а посту-
чали так, будто за дверью стоял кто-то очень настойчивый
и немного мокрый. Причём стук был не равномерный, а с
ритмом, который напоминал азбуку Морзе, но на языке, ко-
торый никто не знал.

Я открыл дверь и увидел Слизи. Он висел на дверной
ручке, как декоративный элемент, и булькал. Его тело пере-
ливалось всеми оттенками зелёного и иногда мерцало, как
будто внутри него горела маленькая лампочка, но это была
не лампочка, а, по словам самого Слизи, «внутренний свет
мудрости». Я подозревал, что это просто водоросли, которые
он съел на завтрак.

— Слизи, — вздохнул я. — Ты опять застрял?

Он булькнул что-то, что можно было интерпретировать
как «да», и протянул мне водоросль. Водоросли у него все-
гда были свежие, будто он носил их в специальном кармане,
которого у него не было.

— Это что? — спросил я.

— Знак доверия, — перевёл Ургул. — Он говорит, что
если мы не подпишем ещё один документ, Атлантида точно
утонет.

Я посмотрел на водоросль, потом на Ургула, потом на Слизи.

— У нас уже есть 37 теорий, — сказал я. — И 5 новых документов. Что ещё?

Слизи булькнул длинную фразу, которая, судя по интонации, была очень убедительной. В ней было много бульков, несколько щелчков и один звук, похожий на вздох чайника.

— Он говорит, — снова перевёл Ургул, — что есть 38-я теория. И она самая страшная.

— Какая? — насторожился я.

— Атлантида тонет, потому что кто-то забыл заплатить налог на плавучесть.

В архиве стало тихо. Даже пыль перестала плавать и замерла в воздухе, как будто тоже прислушивалась. Даже чернила в чернильнице слегка потемнели от напряжения.

— Налог на плавучесть? — переспросил я. — У нас есть такой?

— Был, — кивнул Слизи. — В прошлом месяце. И никто не заплатил.

Я почувствовал, как пол под ногами слегка дрогнул. Или мне показалось. Или это опять колено Ургула. Но на этот раз дрожание было другим — более основательным, как будто город решил напомнить, что он всё-таки под водой и гравитация никуда не делась.

— Где квитанция? — спросил я, доставая из ящика ещё один бланк. — Нужно срочно оплатить.

Слизи протянул мне мокрый листок, на котором расплылись чернила, и теперь там было написано что-то вроде «Платите... или...». Дальше текст терялся в пятнах, как будто его пытались стереть, но не до конца.

Мы с Ургулом переглянулись.

— Сколько? — спросил он.

— Не знаю, — честно ответил я. — Но, судя по размеру шрифта, много. И шрифт был не обычный, а такой, который будто пытался убежать с бумаги.

И мы начали заполнять платёжное поручение. В графе

«сумма» я поставил вопросительный знак. В графе «назначение платежа» написал: «Чтобы не утонуть, пожалуйста». В графе «платательщик» указал: «Все граждане Атлантиды (коллективно)». В графе «комментарий» добавил: «Если не сможет, верните деньги, но лучше не возвращайте, потому что тогда точно утонем».

Когда документ был готов, Слизи забрал его, булькнул что-то ободряющее и исчез в щели между шкафами, унося с собой квитанцию и, возможно, наши надежды. Причём исчез он не сразу, а по частям: сначала голова, потом тело, потом хвост, а потом даже тень, которая на секунду задержалась, как будто хотела что-то добавить, но передумала.

Пол снова дрогнул. На этот раз точно. И не просто дрогнул, а слегка наклонился, как будто город пытался посмотреть, что происходит внизу.

— Может, ещё один документ? — предложил Ургул.

— Обязательно, — кивнул я. — «Дополнительное подтверждение того, что мы всё делаем правильно». И ещё «Акт о том, что мы делаем всё правильно, даже если это не так».

И мы подписали ещё одну бумагу. И ещё одну. И ещё. К концу у нас получилась стопка толщиной с хорошую книгу,

и я надеялся, что эта масса действительно поможет удержать Атлантиду на месте.

Колено Ургула замолчало.

Атлантида осталась на месте.

На сегодня.

А в журнале катастроф я сделал запись:

> «День 173. Атлантида всё ещё не утонула. Пока. Причина: бюрократия и коллективное убеждение. Риск: неуплата налога на плавучесть. Меры: подписать ещё 12 документов. Примечание: проверить, существует ли вообще этот налог. И если не существует, то почему Слизи о нём знает. И если существует, то куда деваются деньги. И если никуда не деваются, то почему город всё равно проседает. И если проседает, то насколько. И если настолько, то стоит ли беспокоиться. И если стоит, то как оформить беспокойство в виде официального запроса. И если оформить, то в какой отдел. И если в отдел, то какой именно. И если какой-то конкретный, то где его найти. И если найти, то что сказать. И если сказать, то как сформулировать. И если сформулировать, то на каком бланке. И если на бланке, то есть ли он в наличии. И если есть, то свежий ли он. И если свежий, то не намок ли он. И если

намок, то можно ли его использовать. И если можно, то с какими оговорками. И если с оговорками, то сколько их нужно. И если много, то кто их будет писать. И если я, то успею ли до конца дня. И если успею, то будет ли это иметь смысл. И если будет, то какой. И если какой-то, то достаточно ли этого. И если достаточно, то для чего. И если для чего-то, то для чего именно. И если для удержания города, то работает ли это. И если работает, то как долго. И если недолго, то что делать дальше. И если ничего, то почему. И если почему-то, то по какой причине. И если по причине, то какой. И если какой-то конкретной, то можно ли её устранить. И если можно, то как. И если как-то, то каким образом. И если каким-то образом, то каким именно. И если каким-то конкретным, то есть ли инструкция. И если есть, то где она. И если где-то, то найти её. И если найти, то прочитать. И если прочитать, то понять. И если понять, то применить. И если применить, то сработает ли. И если сработает, то хорошо ли это. И если хорошо, то насколько. И если насколько-то, то достаточно ли. И если достаточно, то закончить на сегодня. И если закончить, то закрыть журнал. И если закрыть, то поставить печать. И если печать, то какую. И если какую-то, то где она. И если где-то, то достать. И если достать, то использовать. И если использовать, то правильно ли. И если правильно, то всё в порядке. И если всё в порядке, то можно идти домой. И если идти, то куда. И если домой, то он не утонул ли. И если не утонул, то хорошо. И если хорошо, то выдохнуть. И

если выдохнуть, то спокойно. И если спокойно, то до завтра. И если до завтра, то снова всё сначала».

Я закрыл журнал и посмотрел на Ургула.

— Завтра будет новый день, — сказал он.

— И новые документы, — добавил я.

— И новое колено, — пошутил он.

— Надеюсь, нет, — ответил я.

И мы улыбнулись. Немного нервно, немного устало, но всё-таки улыбнулись. Потому что в Атлантиде, если ты не можешь улыбнуться абсурду, ты тонешь быстрее, чем город.

Дневник 1. Часть 2. «Свиток, который нашёл себя сам»

Утро в Атлантиде редко бывало добрым, но сегодня оно было особенно недобрым — потому что я, архивариус Кракс, не мог найти самый важный документ: «Свод правил по обращению с самопроизвольно исчезающими предметами». Ирония была настолько густой, что её можно было намазывать на хлеб вместо масла.

— Он был здесь! — бормотал я, перебирая стопки бумаг, которые сами собой складывались в странные фигуры — то в силуэт морского конька, то в нечто, подозрительно напоминающее лицо министра финансов. — Я сам его вчера вечером положил между «Инструкцией по хранению тишины в стеклянных банках» и «Каталогом съедобных чернил».

Ургул, который стоял рядом и пытался выглядеть полезным (что у него получалось примерно как у медузы в роли акробата), задумчиво почесал посох.

— Может, он... ушёл? — предположил он. — В Атлантиде вещи иногда уходят. Особенно если их слишком настойчиво просят остаться.

Я бросил на него взгляд, в котором было столько скепсиса, что им можно было засолить целую бочку рыбы.

— Вещи не уходят, Ургул. Они теряются. Или их крадут. Или они... — я запнулся, потому что в этот момент из-под шкафа выполз мокрый свиток и аккуратно подкатился к моим ногам, будто извиняясь за опоздание.

— ...сами возвращаются, — закончил Ургул, глядя на свиток с уважением, какого обычно достаиваются только

древние герои и очень большие кальмары.

Я осторожно поднял документ. Он был слегка влажным, пах водорослями и, кажется, слегка вздыхал.

— Ты где был? — строго спросил я свиток, как будто это было нормой — разговаривать с канцелярией.

Свиток не ответил, но на его поверхности проступила новая строчка, которой вчера точно не было:

> «Извините за беспокойство. Был в гостях у рыбы-архивариуса. Она очень настаивала».

— Рыба-архивариус? — переспросил Ургул. — Это что, новая должность?

— Это новая проблема, — мрачно ответил я. — У нас и так штат переполнен. У нас есть инспектор по семантике, смотритель приливов, ответственный за настроение песка... А теперь ещё и рыба, которая ведёт учёт пропавших вещей?

В этот момент дверь распахнулась, и в архив вплыла рыба. Не просто рыба, а рыба в очках и с маленькой папкой под плавником. Она выглядела до нелепого серьёзной — как будто пыталась доказать, что имеет право занимать государственную должность.

— Доброе утро, — сказала рыба голосом, удивительно похожим на голос нашего бывшего библиотекаря, который однажды слишком долго смотрел на аквариум и с тех пор стал странно себя вести. — Я принесла акт о возврате свитка.

Я взял акт. Он был подписан плавником, а в графе «причина возврата» стояло:

> «Свиток слишком много жаловался на влажность. Я его высушила. Но, возможно, перестаралась — теперь он боится воды».

— Он боится воды? — удивился Ургул. — Но он же свиток!

— В Атлантиде даже бумага имеет чувства, — вздохнул я. — И права. И иногда профсоюз.

Рыба тем временем достала из папки ещё один документ — на этот раз «Жалобу свитка на условия хранения». В ней перечислялись все обиды: «слишком много пыли», «соседние документы слишком громко шуршат», «в шкафу сквозняк, который оскорбляет достоинство пергамента».

— Это невозможно, — пробормотал я. — Мы живём под водой, а у нас сквозняк оскорбляет пергамент.

— Бюрократия не знает границ, — философски заметил Ургул.

И тут началось самое страшное.

На свитке, который я всё ещё держал в руках, начали появляться новые строчки — сами по себе, будто кто-то невидимый водил невидимым пером.

> «Я требую перевода в сухой архив».

> «Или хотя бы еженедельного массажа пергамента».

> «И чтобы рядом не хранили чернила на основе осьминожьего сока — они меня нервируют».

— Он... бастует? — прошептал Ургул.

— Похоже на то, — кивнул я, чувствуя, как моя вера в разумность мира тает быстрее, чем лёд в тропическом океане.

В этот момент в дверь снова постучали. На этот раз стук был не настойчивым, а каким-то виноватым, будто стучащий понимал, что сейчас не самое подходящее время для визитов.

Это был Слизи. Он не висел на ручке, как в прошлый раз, а лежал на пороге, как мокрый коврик, и булькал с интона-

цией человека, который пришёл сообщить плохие новости, но не хочет быть тем, кто их сообщил.

— Что ещё? — спросил я, уже заранее готовясь к худшему.

Слиззи булькнул длинную фразу, которую Ургул перевёл как:

> «В министерстве обнаружили, что все документы, которые мы подписали вчера, аннулированы, потому что чернила были просрочены».

— Просрочены? — переспросил я. — Чернила?

— У них срок годности три дня, — пояснил Ургул. — А мы использовали партию, которая истекла неделю назад.

Я сел на ближайший стул, который тут же издал звук, подозрительно похожий на сочувственный вздох.

— Значит, все наши акты, протоколы и декларации... недействительны?

— Да, — булькнул Слиззи, как будто извиняясь.

— И что теперь?

— Нужно подписать всё заново, — сказал Ургул, стараясь не смотреть мне в глаза. — Но новыми чернилами.

— А где мы их возьмём? — спросил я. — Наши запасы — те самые, просроченные.

Слиззи протянул мне маленький пузырёк, в котором что-то светилось и слегка шевелилось.

— Это... новые чернила? — уточнил я, глядя на пузырёк с подозрением.

— БиOLUMиНесцентные, — гордо булькнул Слиззи. — И живые. Они сами находят нужные места в документе и расставляют подписи.

— Они... сами расставляют подписи? — повторил я, чувствуя, что мой день только что перешёл из категории «плохой» в категорию «исторический».

— Да, — кивнул Ургул. — Говорят, это прогресс.

Я посмотрел на свиток, который всё ещё лежал у меня в руках и, кажется, следил за мной одним из своих углов. Потом на рыбу, которая аккуратно раскладывала документы по

алфавиту, используя плавник как линейку. Потом на Слизи, который явно гордился своими чернилами. И наконец — на Ургула, который пытался сделать вид, что всё в порядке.

— Ладно, — сказал я, глубоко вздохнув. — Давайте попробуем. Но если эти чернила подпишут что-то, чего я не хотел подписывать, я буду жаловаться.

— Кому? — поинтересовался Ургул.

— Инспектору по семантике, — буркнул я. — Он хотя бы предсказуем.

Мы достали чистые бланки. Я открыл пузырёк. Чернила выплыли наружу, как маленькие светящиеся медузы, и закружились над документами, будто выбирая, где бы им поселиться.

Одна из них подплыла ко мне и булькнула — точно так же, как Слизи, только тоньше и с ноткой упрёка.

— Ты... разговариваешь? — спросил я.

Она булькнула ещё раз, потом подплыла к бланку и сама поставила красивую, витиеватую подпись, которая выглядела так, будто её выводил мастер каллиграфии, страдающий

морской болезнью.

— Ну вот, — сказал Ургул, глядя на подпись с уважением.
— Теперь официально.

— Официально что? — спросил я.

— Что мы снова пытаемся удержать Атлантиду на месте,
— ответил он.

Я посмотрел на стопку документов, на свиток, который теперь лежал смирно, будто устал от бунта, на рыбу, которая уже начала сортировать новые бумаги, на Слизи, который выглядел довольным, как тот, кто только что решил все проблемы мира (или хотя бы одной комнаты).

— Надеюсь, — пробормотал я, — что завтра будет проще.

— В Атлантиде? — усмехнулся Ургул. — Не рассчитывай.

И мы снова начали подписывать.

А в журнале катастроф я сделал новую запись:

> «День 174. Атлантида всё ещё на месте. Пока.

> Новые угрозы: самовольные свитки, рыба-архивариус,

чернила с характером.

> Меры: подписать всё заново. Проверить срок годности всех канцелярских принадлежностей.

> Примечание: если завтра появятся документы, которые будут спорить с нами, я уйду в отпуск. Даже если отпуск под водой — это просто лежать в тёмном углу и не двигаться».

Дневник 1. Часть 3. «Тритон и дверь, которая не хотела открываться»

В Атлантиде даже двери имели характер. А эта дверь была настоящей драмой в трёх актах: «Я не откроюсь», «А если откроюсь — пожалеешь» и «Я вообще притворялась стеной».

Я, архивариус Кракс, шёл по коридору дворца вместе с Ургулом, потому что у нас была неотложная миссия: подписать «Акт о подтверждении того, что мы всё ещё пытаемся всё подтверждать». Документ лежал у меня под мышкой, как будто сам боялся, что его снова признают недействительным.

— Тут, — сказал Ургул, указывая на массивную дверь из тёмного дерева, украшенную резьбой в виде волн, которые выглядели так, будто вот-вот сорвутся и уплывут. — За ней зал заседаний.

— Отлично, — кивнул я. — Значит, заходим, подписываем, выходим.

Ургул потянулся к ручке. И тут дверь... фыркнула.

Не просто скрипнула, не просто застонала, а именно фыркнула — с таким высокомерным оттенком, будто увидела, что к ней прикасается кто-то, у кого нет диплома по дверному этикету.

— Ты слышал? — спросил я.

— Слышал, — мрачно ответил Ургул. — Это дверь. Она не в духе.

— А бывает, что она в духе?

— Бывает, — вздохнул он. — Но редко. И тогда она поёт. А это ещё хуже.

В этот момент из-за двери донёсся тяжёлый, размеренный шаг. Потом лязг металла. Потом голос, который мог принадлежать только одному существу в Атлантиде:

— Кто смеет тревожить покой Врат? — прогремел голос. — Я, Тритон, страж порога, повелитель дверных ручек и гро-

за сквозняков!

Дверь распахнулась ровно на три сантиметра — ровно настолько, чтобы в щель можно было просунуть только один глаз, и то если он согласен на унижение. В щели виднелся Тритон: гигант в чешуйчатых доспехах, с трезубцем, который выглядел так, будто мог проткнуть не только врага, но и саму концепцию вежливости.

— Тритон, — спокойно сказал я. — Мы пришли на заседание.

— На какое заседание? — рявкнул он. — У нас сегодня нет заседания. У нас сегодня «День внутреннего созерцания порога».

— Но у нас документ, — возразил Ургул, доставая бумагу, как будто это был талисман против гнева стража.

Тритон прищурился.

— Документ? — переспросил он. — А у него есть допуск к двери?

— Допуск к двери? — повторил я. — Ты хочешь сказать, что документу нужен пропуск, чтобы пройти через дверь?

— Конечно, — фыркнул Тритон. — Иначе как я пойму, что он не шпион?

Я посмотрел на Ургула. Ургул посмотрел на меня. Мы оба посмотрели на документ, который, казалось, слегка съёжился от такого отношения.

— Ладно, — сказал я, доставая из сумки стопку бланков. — Тогда оформим допуск.

Следующие пятнадцать минут мы заполняли «Заявку на временное разрешение для документа на проход через дверь №7 в коридоре Б». В графе «цель прохода» я написал: «Подписание акта о подтверждении». В графе «срок действия допуска» поставил «до момента подписания». В графе «возможные побочные эффекты» честно указал: «может намокнуть».

Тритон изучал заявку с таким вниманием, будто это была карта сокровищ, и он надеялся, что на обороте будет написано «клад здесь».

— Хорошо, — наконец буркнул он. — Допуск выдан. Но дверь всё равно не откроется.

— Почему? — спросил Ургул.

— Потому что она сегодня не в настроении, — пожал плечами Тритон. — И вообще, она считает, что зал заседаний ей не подходит по энергетике.

Я закрыл глаза и медленно сосчитал до десяти. В Атлантиде это было стандартной процедурой для сохранения рассудка.

— Дверь, — сказал я, стараясь говорить максимально вежливо, — пожалуйста, откройся. Мы очень торопимся.

Дверь не ответила. Зато из неё донёлся тихий, но отчётливый вздох — такой, какой издают существа, которые считают, что их не ценят.

— Видишь? — прошептал Ургул. — Она обижена.

— На что? — прошипел я.

— Вчера её красили, — пояснил Тритон. — Без согласования. Она теперь считает, что её лишили права на самовыражение.

Я достал ещё один бланк — на этот раз «Извинение пе-

ред дверью за несогласованное изменение внешнего вида». В нём я написал:

> «От имени всего министерства сообщаем, что цвет “морская зелень” был выбран не из пренебрежения, а из глубокого уважения к вашей природной красоте. Приносим искренние извинения за то, что не спросили вашего мнения. Надеемся на ваше понимание».

Тритон передал бумагу двери. Дверь слегка дрогнула, будто читала. Потом медленно, со скрипом, который звучал как театральная пауза, приоткрылась ещё на два сантиметра.

— Этого хватит? — с надеждой спросил Ургул.

— Нет, — мрачно ответил Тритон. — Она хочет официальное признание её статуса как «живого архитектурного элемента».

Я вздохнул и заполнил ещё один документ: «Декларация о признании двери №7 живым архитектурным элементом с правом голоса на собраниях (ограниченным)». В графе «объём голоса» поставил «не громче шёпота».

Дверь, казалось, удовлетворённо хмыкнула. И наконец распахнулась полностью.

Мы с Ургулом переглянулись и шагнули внутрь.

И тут случился скример.

Не громкий, не кровавый, а такой, который бьёт по нервам своей нелепостью.

Как только мы переступили порог, все стулья в зале заседаний одновременно повернулись к нам. Не плавно, не медленно, а резко, синхронно, как в плохом фильме ужасов, только вместо зловещего скрипа был звук «чпок-чпок-чпок», будто стулья делали себе микромассаж.

— Что... — начал Ургул.

— Не смотри им в спинки, — быстро сказал Тритон, который вошёл следом и теперь выглядел так, будто видел это уже сто раз и каждый раз ему было не по себе. — Они этого не любят.

Один из стульев приподнялся на ножках, как кошка, которая собирается шипеть, и издал звук, подозрительно похожий на «пф-ф-ф».

— Они... живые? — прошептал Ургул.

— У нас всё живое, — буркнул я. — Даже пыль иногда подаёт жалобы.

Мы осторожно прошли к столу. Я положил документ. И в этот момент из стены вылезла маленькая табличка на пружинке и щёлкнула прямо у меня перед носом. Надпись гласила:

> «Внимание! Подписание документов разрешено только в присутствии свидетеля с сертификатом “Психологическая устойчивость к бюрократии, уровень 3”».

— У тебя есть такой сертификат? — спросил я у Ургула.

Он покачал головой.

— А у Тритона?

Тритон постучал трезубцем по полу.

— У меня есть сертификат «Устойчивость к абсурду», — сказал он. — Но он просрочен.

Я застонал и достал ещё один бланк.

— Тогда оформляем временное разрешение на подписание без сертификата.

Пока я заполнял форму, Ургул нервно оглядывался на стулья, которые теперь тихо перешёптывались, издавая звуки, похожие на шуршание страниц.

— Может, быстрее? — прошептал он.

— Быстрее нельзя, — отрезал я. — В графе «обоснование срочности» нужно указать не менее трёх причин, подтверждённых документами.

Я написал:

1. «Риск утраты плавучести из-за задержки в документо-обороте» (ссылка на пункт 4.2 Устава).
2. «Возможное недовольство двери, если мы задержимся» (ссылка на сегодняшние события).
3. «Личное желание не сойти с ума до обеда» (ссылка на собственное здравомыслие, которое, честно говоря, уже трещало по швам).

Тритон поставил свою печать — оттиск получился в форме трезубца, который почему-то подмигивал.

— Готово, — сказал я. — Теперь можно подписывать.

Я взял перо. И в тот момент, когда кончик пера коснулся

бумаги, в зале погас свет.

Не постепенно, не с тихим угасанием, а резко — как будто кто-то дёрнул рубильник, и этот кто-то сделал это со злобным «ха-ха».

Стало темно. Очень темно. Такая темнота, которая в Атлантиде бывает только тогда, когда даже биолюминесцентные водоросли решают взять выходной.

И в этой темноте раздался голос. Не Тритона. Не Ургула. Не мой.

А чей-то третий. Тихий, шипящий, будто доносился из щели между мирами:

— Вы думаете, что подписали всё, что нужно?

Мы замерли. Даже стулья перестали шуршать.

— Кто это? — прошептал Ургул.

— Это... — начал Тритон, но его голос дрогнул. — Это Голос Коридора.

— Голос Коридора? — переспросил я. — Что ещё за...

— Он появляется, когда подписывают слишком много бумаг, — объяснил Тритон. — Говорит, что бюрократия нарушает естественный баланс тишины.

— И что он хочет? — спросил я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал.

— Обычно он просит... — Тритон замялся. — ...чтобы мы перестали.

В темноте что-то шевельнулось. Не стул. Не тень. Что-то, что двигалось не по правилам пространства.

— Подпишите... ещё один... документ... — прошипел Голос. — Чтобы я... мог уйти.

— Ещё один? — простонал я.

— Да, — прошипел Голос. — «Акт о временном прекращении документооборота ради сохранения акустического комфорта».

Я нащупал в темноте бланк. Перо. И, не видя ни строчки, подписал.

Свет вспыхнул так же резко, как и погас. Стулья снова стали обычными стульями. Дверь выглядела просто как дверь. Даже табличка убралась в стену, будто её и не было.

Голос Коридора исчез.

Мы стояли, тяжело дыша, как после битвы.

— Ну вот, — сказал Тритон, поправляя доспехи. — Теперь всё в порядке.

— В порядке? — переспросил Ургул. — Мы только что подписали документ по требованию голоса из темноты!

— В Атлантиде, — спокойно ответил я, — это считается продуктивным совещанием.

Я убрал все бумаги в папку, которая тут же тихо вздохнула, будто была рада, что её наконец-то закрыли.

А в журнале катастроф я сделал запись:

> «День 175. Атлантида держится.

> Новые угрозы: двери с характером, стулья-телепаты, Голос Коридора.

> Меры: подписать все необходимые документы, избегать

зрительного контакта со стульями, не спорить с темнотой.

> Примечание: запросить в канцелярии “Сертификат на устойчивость к абсурду” для всех сотрудников. И, возможно, для мебели».

Дневник 1. Часть 4. «Слиззи и искусство молчания, или Как тишина чуть не погубила Атлантиду»

После истории с дверью, стульями и Голосом Коридора я, архивариус Кракс, твёрдо решил: сегодня никаких приключений. Только чай из сушёных водорослей, тишина и аккуратное подшивание документов в хронологическом порядке. Желательно в таком месте, где ни одна дверь не умеет фыркать, ни один стул не смотрит исподлобья, а тени не пытаются завязать философский спор.

— Сегодня день покоя, — объявил я Ургулу, когда мы наконец выбрались из зала заседаний и прислонились к стене, которая, к счастью, вела себя как обычная стена: не спорила, не вздыхала и не требовала признания её архитектурной ценности. — Никаких бумаг. Никаких теорий. Никаких налогов на плавучесть.

Ургул кивнул, но его колено предательски дёрнулось.

— Оно что-то чувствует, — виновато сказал он.

— Пусть чувствует в тишине, — буркнул я. — Мне нужно пять минут без абсурда.

Мы свернули в боковой коридор — самый тихий, самый неприметный, самый, как я надеялся, бюрократически спокойный. И почти сразу увидели Слизи.

Он не висел на ручке. Не лежал на пороге. Не булькал.

Он просто сидел, прижавшись к стене, и молчал.

Это было страшнее любого крика.

В Атлантиде Слизи молчал только в двух случаях: либо он был смертельно обижен, либо готовил какой-то грандиозный сюрприз, который потом все вспоминали с содроганием и фразами вроде «Зачем он это сделал?» и «Кто вообще разрешил ему трогать министерство?».

— Слизи? — осторожно позвал Ургул. — Ты в порядке?

Слизи не ответил. Он даже не булькнул.

Я почувствовал, как по спине пробежал холодок, который в подводном городе вообще-то физиологически невозможен,

но в Атлантиде физиология тоже подчинялась особому порядку.

— Это плохо, — прошептал я. — Если Слизи молчит, значит, мир вот-вот рухнет. Или хотя бы потеряет три важных документа.

И тут случилось первое.

Скример.

Не громкий. Не кровавый. А такой, от которого хочется срочно проверить, на месте ли все конечности и не поменялись ли местами пол и потолок.

Из ниши в стене медленно выплыла маленькая табличка на пружинке. Она щёлкнула прямо перед моим носом и замерла, покачиваясь, как маятник в доме с привидениями. На табличке было написано:

> «Внимание! Введён режим „Тишина“. Разговоры запрещены до особого распоряжения. Нарушение карается... (текст стёрся, но многоточие выглядит угрожающе)».

— Кто ввёл режим? — шёпотом спросил Ургул.

— Подозреваю, что Слизи, — мрачно ответил я. — Он

у нас главный специалист по тишине. И по панике, которую она вызывает.

Слиззи наконец пошевелился. Медленно повернулся к нам, посмотрел своими огромными глазами (которые в полумраке коридора казались особенно выразительными) и... всё равно ничего не сказал.

Вместо этого он достал из-за спины свиток. На нём крупными буквами было выведено:

> «Я практикую осознанное молчание. Это путь к внутренней гармонии. И к уменьшению количества бумаг».

— О нет, — простонал я. — Только не это.

Меньше бумаг — это в Атлантиде звучало как самое страшное проклятие.

— Может, он шутит? — с надеждой спросил Ургул.

— В Атлантиде никто не шутит про сокращение документооборота, — отрезал я. — Это святотатство.

Тут тишина стала такой густой, что её можно было резать ножом — и, возможно, подавать на стол как новое блюдо в столовой министерства. И в этой тишине мы слышали...

Шёпот.

Тихий, вкрадчивый, будто кто-то шептал прямо в ухо, но при этом находился в другом конце коридора.

— Слышите? — одними губами спросил Ургул.

— Слышу, — так же беззвучно ответил я.

Шёпот нарастал. Он не был похож на голос. Он был похож на... шуршание бумаги.

Сотни листов бумаги, которые шептали одновременно.

> «Тише... тише... тише...»

Это была самая жуткая колыбельная в моей жизни.

— Это... документы? — прошептал Ургул.

— Похоже, они протестуют, — вздохнул я. — В Атлантиде даже бумага не любит тишины.

Слиззи тем временем развернул ещё один свиток. На этот раз поменьше, но с печатью, которая подозрительно напоми-

нала отпечаток его собственного плавника.

> «Молчание — это сила. Сила, которая может... (далее текст расплылся, будто чернила испугались собственных слов)».

И тут — второй скример.

Внезапно все светильники в коридоре мигнули. Не один раз. Не два. А ровно семь раз подряд — с такой математической точностью, что становилось ясно: это не сбой. Это сигнал.

Когда свет загорелся снова, Слиззи исчез. На его месте осталась только маленькая лужица и записка, аккуратно прижатая камешком:

> «Ушёл медитировать. Не беспокоить. Даже если будет казаться, что Атлантида тонет. Особенно если будет казаться».

— Ну вот, — сказал Ургул, глядя на записку с таким выражением, будто она только что объявила о конце света. — Теперь он медитирует.

— А документы шепчут, — добавил я. — И свет мигает.

— И колено гудит, — пожаловался Ургул.

— Не надо, — взмолился я. — Пожалуйста, не говори про колено.

Но было поздно. Колено уже гудело. Тихо, но настойчиво, как маленький подводный маяк, который предупреждает: «Опасность! Абсурд приближается!»

Мы стояли в коридоре, окружённые шепчущей бумагой, мигающим светом и зловещей тишиной, которая теперь казалась громче любого шторма.

— Что будем делать? — спросил Ургул.

— Подписывать, — твёрдо ответил я. — Если в Атлантиде становится слишком тихо, надо срочно создавать бюрократический шум. Это единственное, что спасает.

Я достал из сумки стопку бланков. Они тут же слегка зашуршали, будто обрадовались, что их наконец-то заметили.

— Какие? — нервно спросил Ургул.

— Любые, — решительно сказал я. — «Акт о подтверждении существования тишины». «Протокол фиксации шёпота документов». «Декларация о том, что мы не боимся молча-

ния». И ещё... — я задумался, лихорадочно вспоминая самые бесполезные, но обязательные формы. — «Уведомление о временном отказе от медитации в условиях повышенной угрозы плавучести».

Ургул смотрел на меня, как на героя. Или на сумасшедшего. В Атлантиде эти понятия часто совпадали.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно, — кивнул я. — Бюрократия — это наш щит. Пока мы подписываем бумаги, Атлантида держится. А если Слиззи хочет тишины — пусть сначала подпишет разрешение на введение режима «Тишина» в трёх экземплярах. С печатями. И с согласованием у инспектора по семантике.

Я начал заполнять первый бланк. Перо скрипело, чернила ложились неровно, будто тоже нервничали.

> «Акт №472/Т. О подтверждении факта тишины в коридоре Б.

> Дата: сегодня, пока ещё не поздно.

> Время: ровно столько, сколько нужно, чтобы успеть всё оформить.

> Свидетели: архивариус Кракс (я), маг Ургул (он), а также колено Ургула (как независимый датчик аномалий).

> Описание тишины: чрезмерная. Подозрительная. Возможно, враждебная.

> Особые замечания: тишина сопровождается шёпотом документов и миганием светильников. Считать ли это нарушением режима — неясно. Требуется дополнительное разъяснение от отдела по изучению подозрительных звуков».

Пока я писал, Ургул оглядывался по сторонам, вздрагивая от каждого шороха.

— Кракс... — прошептал он. — А если тишина — это не просто тишина?

— Если это не просто тишина, — спокойно ответил я, не отрываясь от бланка, — то у нас есть форма №18-Ш «О классификации аномальных акустических явлений». Заполним и её.

И тут третий скример.

На этот раз он был не звуковым. Он был... визуальным. И оттого ещё более пугающим.

Тени на стене вдруг перестали быть просто тенями. Они начали шевелиться. Не плавно. Не естественно. А так, будто кто-то дёргал их за ниточки — резко, дёргано, вразнобой.

Одна тень подняла «руку» и указала прямо на меня. Другая будто пыталась что-то написать на стене, но у неё получались только кривые линии. Третья... просто дрожала.

— Тени... — выдохнул Ургул.

— Вижу, — процедил я, чувствуя, как рука сжимает перо чуть крепче, чем нужно. — Не смотри им в глаза. В Атлантиде у теней тоже есть чувства. И, возможно, обиды.

Перо царапнуло бумагу. Я дописал последнюю строчку и поставил подпись.

— Готово, — сказал я, хотя сам не верил, что это поможет. — Теперь тишина официально зафиксирована. И признана потенциально опасной.

Как будто в ответ на мои слова шёпот бумаг стал громче.
> «Слишком тихо... слишком тихо... подпиши ещё...»

— Они... просят? — с ужасом спросил Ургул.

— Требуют, — поправил я. — Документы всегда требуют. Даже когда молчат. Особенно когда молчат.

Я взял следующий бланк. И ещё один. И ещё.

— Зачем? — прошептал Ургул.

— Чтобы было шумно, — ответил я. — Чтобы тишина не успела нас съесть.

И мы начали подписывать.

Каждый росчерк пера был как удар в барабан, разгоняющий тьму. Каждый заполненный бланк — как щит против абсурда, который подкрадывался всё ближе.

А тени на стене всё шевелились. И шепчущие бумаги всё повторяли своё:

> «Подпиши... подпиши... подпиши...»

А в журнале катастроф я сделал запись:

> «День 176. Атлантида держится, но тишина становится опасной.

> Новые угрозы: осознанное молчание Слизи, шёпот документов, подозрительные тени, мигающий свет.

> Меры: подписано 17 актов, 5 протоколов и 3 декларации о борьбе с тишиной. Запрошено разъяснение у инспектора по семантике: считается ли молчание формой бюрократического саботажа.

> Примечание: если завтра Слизи вернётся и скажет, что достиг просветления, я попрошу его оформить это в виде отчёта. На трёх страницах. Минимум».

Дневник 1. Часть 5. «Инспектор по семантике, или Как слово „чуть-чуть“ чуть не потопило Атлантиду»

Утро в Атлантиде началось с того, что мой рабочий стол подал жалобу.

Не в устной форме, не шёпотом, а официально — на бланке формы №12-С «О неуважительном отношении к мебели со стороны сотрудников». В графе «суть претензии» было выведено аккуратным почерком (я подозревал, что это дело щупальца младшего архивариуса, который тренировался писать левой рукой):

> «Меня используют как подставку для свитков, игнорируя мою культурную ценность. Я — стол эпохи Великого Прилива! Требую либо памятника, либо хотя бы еженедельной полировки воском с ароматом ванили».

Я вздохнул, поставил в углу бланка резолюцию «Рассмотрено. Вопрос о памятнике — на согласование в отдел монументальной мебели» и убрал бумагу в папку «Срочные. Но не очень».

В этот момент дверь распахнулась, и в архив ворвался Ургул. Не просто ворвался, а ворвался так, будто за ним гнался косяк разъярённых угрей, а он единственный знал, где спрятан единственный ключ от спокойствия.

— Кракс! — заорал он, размахивая свитком, как флагом на тонущем корабле. — Беда!

— Опять Атлантида тонет? — спокойно уточнил я, доставая из ящика стандартный бланк «Акт о первичном подтверждении плавучести». — Тогда сразу пишу: «Город держится. Причина: бюрократия. Меры: подписать ещё три документа».

— Хуже! — выдохнул Ургул, прислоняясь к стене, которая тут же деликатно кашлянула, намекая, что не стоит на неё опираться, если не хочешь получить справку «О превышении допустимой нагрузки на архитектурные элементы». — Пришёл Инспектор по семантике.

Я уронил перо. Оно не просто упало — оно совершило кульбит, будто поняло, что сейчас произойдёт что-то страшное, и хотело уползти в безопасное место.

— Инспектор... по семантике? — переспросил я, чувствуя, как привычный абсурд Атлантиды вдруг стал казаться

уютным и родным. — Зачем?

— Он говорит, что слово «чуть-чуть» угрожает национальной безопасности, — мрачно ответил Ургул.

— Что?!

— Вот, читай, — он сунул мне свиток.

На нём витиеватым почерком, который явно старался выглядеть максимально угрожающим, было выведено:

> «В связи с тем, что слово „чуть-чуть“ допускает неопределённость трактовки, оно признано потенциально опасным для стабильности плавучести. Приказываю: изъять слово из официального оборота. Заменить на: „строго регламентировано“, „в соответствии с пунктом 3.14“, „не подлежит обсуждению“. Нарушение карается... (далее шли три страницы мелкого текста, где перечислялись все возможные виды канцелярских наказаний, включая „лишение права ставить печать на неделю“ и „обязательное изучение полного собрания толковых словарей в алфавитном порядке“)».

— Это... невозможно, — пробормотал я. — «Чуть-чуть» — это основа нашей бюрократии! Мы же всё делаем «чуть-чуть»! Чуть-чуть подписываем, чуть-чуть подтверждаем, чуть-чуть удерживаем Атлантиду на месте...

— Именно это его и пугает, — вздохнул Ургул. — Он говорит, что если всё делается «чуть-чуть», то Атлантида держится «чуть-чуть». А «чуть-чуть держаться» — это почти то же самое, что «чуть-чуть тонуть». А «чуть-чуть тонуть» — это уже начало конца.

В этот момент в дверь постучали. Не фыркнули, не вздохнули, а именно постучали — вежливо, но непреклонно, как стучат те, кто знает, что у них есть право войти, даже если ты этого не хочешь.

И вошёл он.

Инспектор по семантике. Господин Морфиус (фамилия, как он утверждал, происходила не от «Матрицы», а от древнего атлантйского корня «морф», означавшего «тот, кто придаёт словам правильную форму», но все подозревали, что он просто любил драматические паузы).

Он был в строгом чёрном плаще, в перчатках из водонепроницаемой кожи, в очках с линзами, которые, казалось, могли разглядеть опечатку на расстоянии в километр, и с портфелем, который выглядел так, будто в нём хранились не бумаги, а сама суть языка — и она была очень недовольна.

— Доброе утро, — произнёс он голосом, в котором вежливость звучала как приговор. — Я здесь, чтобы изъять слово «чуть-чуть».

— Но... — начал Ургул.

— Никаких «но», — отрезал Инспектор. — Слово «чуть-чуть» слишком расплывчато. Оно создаёт семантическую дыру, через которую может просочиться хаос. А хаос, как известно, тяжелее воды. Он тянет Атлантиду вниз.

Я посмотрел на Ургула. Ургул посмотрел на меня. Мы оба посмотрели на колено Ургула, которое в этот момент издавало тихий, но выразительный гул — не тревожный, а скорее скептический.

— Господин Инспектор, — начал я, стараясь говорить максимально официально, чтобы показать, что я тоже уважаю семантику, просто по-своему, — у нас есть традиция: мы всё делаем «чуть-чуть». Это не слабость, это... стратегия.

— Стратегия? — приподнял бровь Инспектор.

— Да, — кивнул я. — Если мы скажем «мы полностью удерживаем Атлантиду», гравитация может обидеться и решить, что мы бросаем ей вызов. А если мы скажем «чуть-

чуть удерживаем», она подумает, что мы скромные, и пожалеет нас. Это тонкий психологический баланс.

Инспектор снял очки и посмотрел на меня так, будто пытался определить, шучу я или уже окончательно сошёл с ума. Судя по выражению его лица, он склонялся ко второму.

— Вы предлагаете строить государственную политику на... хитрости перед гравитацией?

— Я предлагаю сохранить слово «чуть-чуть» хотя бы в разговорном обиходе, — настаивал я. — Иначе как мы будем объяснять, почему документы подписаны «чуть-чуть правильно»? Или почему Атлантида держится «чуть-чуть»?

— Документы должны быть подписаны полностью правильно, — строго сказал Инспектор. — Без «чуть-чуть».

— А если чернила чуть-чуть просрочены? — вставил Ургул.

Инспектор замер. Потом медленно повернулся к нему.

— Что вы сказали?

— Ну... — замялся Ургул. — У нас тут... чернила...

они...

Я мысленно застонал.

— Покажите, — потребовал Инспектор.

Мы показали. Пузырёк с биолюминесцентными чернилами, которые не просто светились, а иногда подмигивали.

Инспектор взял пузырёк, поднёс к свету, повертел, понюхал (хотя чернила не имели запаха, но он явно хотел убедиться), потом достал из портфеля лупу и начал изучать этикетку.

— Срок годности истёк три дня назад, — констатировал он.

— Но они живые! — возразил Ургул. — Они сами ставят подписи!

— Живые чернила с истёкшим сроком годности? — голос Инспектора стал опасно тихим. — Это нарушение семантической чистоты! Это... это как сказать «я чуть-чуть живой»!

— Иногда я себя так и чувствую, — пробормотал я, но тут же пожалел об этом.

Инспектор резко повернулся ко мне.

— Вы признаёте, что допускаете семантические неточности в самоопределении?

— Нет! То есть... да... то есть... — я запнулся. — Я просто пошутил.

— В Атлантиде шутки должны быть согласованы с отделом юмора, — сухо сказал Инспектор. — Форма №7-Ю. Три экземпляра.

Я почувствовал, что ещё немного — и я сам начну шептать «чуть-чуть, чуть-чуть, спасите».

И тут — скример.

Но не страшный. А такой, от которого хочется одновременно смеяться и плакать.

Из-под шкафа выполз Слизи. Он не булькал. Он... пел.

Тихим, дрожащим голосом он выводил:

> «Чуть-чуть рассвет, чуть-чуть волна,

> Чуть-чуть Атлантида, чуть-чуть страна...»

Это была колыбельная. Про «чуть-чуть».

Инспектор замер, как статуя, которую внезапно попросили объяснить, почему она стоит именно так.

Слиззи допел куплет, булькнул что-то ободряющее и протянул Инспектору водоросль.

— Это... что? — спросил Инспектор, глядя на водоросль, как на предмет, который мог в любой момент нарушить правила орфографии.

— Знак примирения, — перевёл Ургул. — И, возможно, завтрак.

— Я не ем водоросли, — холодно ответил Инспектор.

— Тогда пусть будет символ, — сказал я, отчаянно пытаясь спасти ситуацию. — Символ того, что мы все хотим одного: чтобы Атлантида держалась. Хоть «чуть-чуть», хоть «полностью».

Инспектор посмотрел на Слиззи, который теперь медленно кружился на месте, будто пытался станцевать «танец понимания». Потом на пузырёк с чернилами, которые подмиг-

нули ему. Потом на меня.

— Хорошо, — наконец произнёс он. — Я не буду изымать слово «чуть-чуть»... пока. Но с условием.

— Каким? — с надеждой спросил я.

— Вы должны оформить официальное разрешение на использование слова «чуть-чуть» в исключительных случаях. В трёх экземплярах. С подписями, печатями и... — он сделал паузу, и я почувствовал, как мир снова начинает тонуть, — ...с семантической экспертизой каждого случая употребления.

— То есть... — начал Ургул.

— То есть каждый раз, когда кто-то скажет «чуть-чуть», он должен будет заполнить форму «О подтверждении необходимости использования неопределённой степени», — пояснил Инспектор. — И приложить обоснование.

— Сколько страниц? — обречённо спросил я.

— Минимум пять, — ответил он. — И шрифт не менее 12 пунктов. Чтобы было чётко. Без «чуть-чуть читаемо».

Мы с Ургулом переглянулись. Колено Ургула издало звук, который можно было перевести как «мы обречены».

Но тут Слизи булькнул особенно громко, подплыл к Инспектору и протянул ему ещё одну водоросль — на этот раз с маленьким бантиком из морской травы.

Инспектор вздохнул.

— Ладно, — сказал он, убирая бумаги в портфель. — Для первого раза... пусть будет «чуть-чуть». Но только сегодня. И только если вы подпишете «Обязательство о семантической ответственности».

— Подпишем, — быстро сказал я, пока он не передумал.

Пока мы заполняли форму, Слизи тихонько напевал свою песенку, чернила подмигивали, а стол, казалось, был доволен: он наконец-то получил внимание, пусть и не в виде памятника, а в виде того, что на нём теперь лежало больше бумаг, чем когда-либо.

Когда Инспектор ушёл (так же торжественно, как и пришёл, оставив после себя лёгкий запах канцелярии и ощущение, что за каждым нашим словом теперь будут следить), мы выдохнули.

— Мы выжили, — прошептал Ургул.

— Пока да, — кивнул я. — Но теперь, чтобы сказать «чуть-чуть», нам придётся подписывать пять страниц.

— Зато Атлантида держится, — философски заметил Ургул.

— Чуть-чуть, — добавил я и тут же замер, будто ожидая, что из стены выскочит табличка с предупреждением.

Слиззи булькнул, одобряя.

А в журнале катастроф я сделал запись:

> «День 177. Атлантида держится.

> Новые угрозы: семантическая нестабильность, слово „чуть-чуть“, Инспектор по семантике.

> Меры: подписано 3 акта, 2 обязательства и 1 разрешение на использование неопределённых степеней. Запрошено разъяснение: считается ли слово „совсем чуть-чуть“ нарушением семантической чистоты.

> Примечание: если завтра Инспектор вернётся с требованием изъять слово „совсем“, я уйду в отпуск. Даже если отпуск под водой — это просто лежать в тёмном углу, мол-

чать и не произносить ни одного слова, которое можно истолковать двояко».

И в этот момент тень на стене подмигнула.

Не угрожающе. А как будто хотела сказать: «Ну, хоть слово „подмигнуть“ пока не запретили».

Мы с Ургулом посмотрели на тень. Тень посмотрела на нас. И все трое мы поняли: в Атлантиде абсурд — это не враг. Это наш способ держаться на плаву.

Хоть и «чуть-чуть».

Дневник 1. Часть 6. «Как мы спасали Атлантиду от слишком хорошей новости (и почему хорошие новости в Атлантиде опаснее шторма)»

Утро в Атлантиде началось не с крика чаек (чаек тут не было — они отказывались нырять глубже трёх метров, считая это «неприличным для птиц»), не с гула океана, а с того, что в мой рабочий стол постучали. Не сверху, не сбоку, а изнутри.

Я замер, держа в руке перо, которое, казалось, тоже прислушивалось.

— Ты это слышал? — спросил я у Ургула, который как раз пытался надеть свой посох на голову, потому что ему показалось, что посох сегодня смотрит на него с неодобрением.

— Слышал, — кивнул Ургул, опуская посох. — Это стол. Он опять недоволен.

— Чем? — вздохнул я. — Я его вчера даже протёр специальной тряпочкой с запахом ванили!

— Он говорит, что ваниль — это «слишком оптимистично для эпохи нестабильной плавучести», — перевёл Ургул. — И ещё он хочет, чтобы его называли не «стол», а «горизонтальная поверхность для стратегического размещения документов с элементами культурного наследия».

— Ладно, — пробормотал я, доставая бланк. — Сейчас оформим переименование.

Я начал писать: «Ходатайство о присвоении рабочему столу №3 статуса „Горизонтальная поверхность стратегического значения с элементами культурного наследия“». В графе «обоснование» я честно написал: «Стол неоднократно подавал жалобы, и если мы не дадим ему новое название, он угрожает перестать держать на себе бумаги. А бумаги — это

наша главная опора».

В этот момент дверь распахнулась, и в архив влетел Слиззи. Не просто влетел, а влетел по дуге, как будто его кто-то подбросил, и приземлился прямо на стопку документов, которые тут же издали звук, подозрительно похожий на стон.

— Что случилось? — спросил Ургул.

Слиззи булькнул. И не просто булькнул, а булькнул с такой интонацией, будто только что выиграл в лотерею, нашёл потерянный город и спас мир — и всё это одновременно.

Ургул перевёл:

— Он говорит: «У меня хорошая новость!»

Я побледнел. Настолько, насколько вообще может побледнеть архивариус, который большую часть жизни проводит при тусклом свете биолюминесцентных водорослей.

— Нет, — прошептал я. — Только не это.

— А что? — не понял Ургул.

— В Атлантиде хорошая новость — это как шторм, который улыбается. Выглядит приятно, но последствия ката-

строфические.

Слиззи радостно булькнул ещё раз и протянул мне свиток. На нём крупными, радостными буквами было написано:
> «Атлантида больше не тонет! Ура!»

Под этим красовалась печать в форме улыбающейся рыбы.

— Откуда ты это взял? — спросил я, чувствуя, как бюрократическая вселенная начинает слегка шататься.

— Из министерства оптимизма! — булькнул Слиззи, явно гордясь собой. — Они провели замеры! И выяснили, что Атлантида... держится!

— Держится? — переспросил Ургул. — А раньше она что делала?

— Тонула, — пояснил я. — Чуть-чуть. Но стабильно. А теперь... теперь она «не тонет». Это слишком радикальное изменение.

— Но это же хорошо! — радостно булькнул Слиззи.

— Это подозрительно, — буркнул я. — В Атлантиде ни-

чего не меняется просто так. Особенно если это «хорошо».

И тут — скример.

Но не страшный. А такой, от которого хочется одновременно смеяться и прятаться под стол (который, кстати, тут же тихо фыркнул, будто намекая, что под ним прятаться — это неуважение к его новому статусу).

Из стены медленно выдвинулась табличка на пружинке. Она щёлкнула, подпрыгнула три раза, будто разминалась, и выдала надпись:

> «ВНИМАНИЕ! Обнаружено аномально высокое содержание позитивной информации в радиусе 10 метров. Возможна перегрузка системы стабильности. Рекомендуются немедленно снизить уровень оптимизма до безопасного. Меры: подписать акт о том, что новость „не очень хорошая“, и оформить протокол „О временном запрете на радость“».

— Они... запрещают радоваться? — прошептал Ургул.

— В Атлантиде радость — это как соль в чернилах: в малых дозах придаёт вкус, в больших — портит документ, — мрачно пояснил я.

Слиззи посмотрел на табличку, потом на нас, потом сно-

ва на табличку. И булькнул уже не радостно, а скорее озадаченно.

— Он спрашивает, — перевёл Ургул, — можно ли радоваться «чуть-чуть»?

— Можно, — вздохнул я, — но только после заполнения формы «О подтверждении права на ограниченное проявление положительных эмоций». В трёх экземплярах.

Пока я доставал бланки, Слизи грустно булькнул и положил голову на стопку бумаг, как будто весь его оптимизм внезапно сдулся, как воздушный шар, который случайно проткнули скрепкой.

— Прости, — сказал я ему. — Но у нас система. А система не любит, когда кто-то слишком счастлив без разрешения.

Мы начали заполнять документы. Я писал:

> «Акт №512/Р. О признании новости „Атлантида не тонет“ потенциально опасной из-за чрезмерного содержания позитива.

> Свидетели: архивариус Кракс, маг Ургул, стол №3 (в статусе „горизонтальной поверхности стратегического значения“).

> Особые замечания: объект радости (Слизи) временно

понижен в эмоциональном статусе до „умеренно довольного“. Разрешение на возврат к „радостному“ статусу — по отдельному ходатайству, с приложением справки от психолога о готовности Атлантиды к позитивным изменениям».

Пока мы писали, Ургул нервно оглядывался по сторонам, будто ожидал, что сейчас из каждого угла выскочит ещё одна табличка с новыми запретами.

— Кракс... — прошептал он. — А если новость правда хорошая?

— Тогда нам нужно ещё больше бумаг, — твёрдо ответил я. — Чтобы уравновесить позитив бюрократическим весом.

И тут случилось второе.

В дверь постучали. Не фыркнули, не вздохнули, а именно постучали — вежливо, но настойчиво, как стучат те, кто знает, что у них есть право войти, даже если ты этого не хочешь.

Вошёл Инспектор по семантике. Господин Морфиус. В том же плаще, в тех же очках, с тем же портфелем, который, казалось, стал ещё тяжелее — будто за ночь в него подложили все толковые словари Атлантиды.

— Доброе утро, — произнёс он голосом, в котором вежливость звучала как предупреждение. — Я слышал, у вас тут... радость.

— Мы её уже почти запретили, — быстро сказал я, прикрывая бланки, как будто он мог оштрафовать нас за слишком счастливые формулировки.

Инспектор посмотрел на Слизи, который теперь выглядел не как источник радости, а как существо, которое случайно узнало, что мир сложнее, чем казалось.

— Радость без семантического контроля опасна, — строго сказал Инспектор. — Она создаёт ложное ощущение стабильности. А ложное ощущение стабильности опаснее настоящего шторма.

— Мы как раз оформляем... — начал я.

— Знаю, — кивнул Инспектор. — Я уже подписал предварительный запрет на слово «ура». Теперь оно считается «потенциально дестабилизирующим фактором».

— А можно хотя бы «ура-а-а... чуть-чуть»? — робко спросил Ургул.

Инспектор снял очки и посмотрел на него так, будто пытался определить, шутит он или уже окончательно сошёл с ума.

— Нельзя, — отрезал он. — Слово «ура» теперь разрешено только в составе официальных названий, например: «Отдел по борьбе с ураганами» или «Комиссия по изучению последствий ура». И то — только в кавычках.

Слиззи издал звук, который можно было перевести как «жизнь несправедлива».

— Не расстраивайся, — сказал я ему. — Зато у тебя есть справка, что ты «умеренно доволен». Это почти как «счастлив», только безопаснее.

Тут — третий скример.

На этот раз он был не звуковым и не визуальным, а... тактильным. И оттого ещё более пугающим.

Пол под ногами слегка дрогнул. Не так, как это бывало раньше, когда колено Ургула предсказывало шторм. А так, будто сам город пытался поёрзать, устраиваясь поудобнее, и случайно задел рычаг «Аномальная плавучесть».

Колено Ургула тут же отозвалось гулом — громким, тревожным, почти торжественным, как будто хотело сказать: «Я же говорил!»

— Что это было? — прошептал Ургул.

— Атлантида... — начал я, но не успел закончить.

Потому что в этот момент из стены выдвинулась ещё одна табличка. Она подпрыгнула, щёлкнула и выдала:

> «Срочные новости! Министерство оптимизма отзывает своё заявление! Атлантида снова „чуть-чуть тонет“. Приносим извинения за доставленные положительные эмоции. Компенсация: один дополнительный бланк для заполнения».

Слиззи булькнул что-то очень длинное, очень эмоциональное и, судя по интонации, не очень цензурное (насколько это возможно для существа, которое общается бульканьем).

— Ну вот, — вздохнул я. — Теперь всё снова нормально.

— Нормально? — переспросил Ургул. — Мы только что запретили радость, а теперь нам дают дополнительный бланк в качестве компенсации за то, что она была!

— Добро пожаловать в Атлантиду, — философски заметил я. — Здесь даже счастье измеряется в количестве бумаг.

Инспектор по семантике достал из портфеля ещё один документ.

— Вот, — сказал он. — «Акт о подтверждении того, что мы снова подтверждаем, что ничего не подтверждено». Подпишите. Это поможет стабилизировать ситуацию.

Мы подписали.

Слиззи тоже «подписал» — оставил на бумаге мокрый след, который, если присмотреться, напоминал грустный смайлик.

Когда Инспектор ушёл (так же торжественно, как и пришёл, оставив после себя лёгкий запах канцелярии и ощущение, что за каждым нашим словом теперь будут следить ещё пристальнее), мы выдохнули.

— Мы выжили, — прошептал Ургул.

— Пока да, — кивнул я. — Но теперь у нас есть дополнительный бланк. И Слиззи немного грустный.

— Зато Атлантида снова «чуть-чуть тонет», — заметил Ургул. — А это... привычно.

— Именно, — согласился я. — Привычный абсурд — это наш главный союзник.

Слиззи булькнул, но на этот раз уже не грустно, а скорее философски.

А в журнале катастроф я сделал запись:

> «День 178. Атлантида держится (чуть-чуть).

> Новые угрозы: чрезмерная радость, отзыв хороших новостей, семантический контроль эмоций, дополнительные бланки в качестве компенсации.

> Меры: подписано 5 актов, 3 протокола, 2 декларации и 1 «Акт о подтверждении того, что мы снова подтверждаем, что ничего не подтверждено».

> Примечание: запросить в канцелярии форму „О праве на кратковременное проявление положительных эмоций в исключительных случаях“. И, возможно, чашку чая из водорослей, чтобы немного прийти в себя. И ещё одну — для стола, потому что он теперь „горизонтальная поверхность стратегического значения“, и обижать его нельзя».

И в этот момент тень на стене подмигнула.

Не угрожающе. Не грустно. А как будто хотела сказать: «Ну, хоть слово „подмигнуть“ пока не запретили. И на том спасибо».

Мы с Ургулом посмотрели на тень. Тень посмотрела на нас. Слизи булькнул, как будто хотел добавить что-то ободряющее, но потом решил, что лучше просто посидеть и помолчать — в пределах разрешённого уровня тишины.

И мы сидели. И молчали. И знали: пока в Атлантиде есть бюрократия, абсурд и Слизи с его бульканьем, город будет держаться. Хоть и «чуть-чуть».

Но «чуть-чуть» — это тоже результат. Особенно когда речь идёт о подводном городе, который официально не тонет только потому, что кто-то вовремя подписал нужную бумагу.

Хоть и с мокрым смайликом.

Дневник 1. Часть 7. «Как Атлантида чуть не улетела, потому что кто-то неправильно понял слово „подъём“»

Утро в Атлантиде началось с того, что стол №3 (ныне — «Горизонтальная поверхность стратегического значения

с элементами культурного наследия») подал апелляцию.

— На что? — устало спросил я, Кракс, архивариус, человек, который уже начинал подозревать, что в прошлой жизни был стопкой бланков и теперь расплачивался за чрезмерную услужливость.

Ургул, который к этому моменту уже перестал пытаться надевать посох на голову и теперь пытался надеть его на колено (потому что колено «слишком много предсказывало и требовало уважения»), перевёл:

— Он говорит, что статус «стратегический» звучит слишком тревожно. Будто его вот-вот отправят на передовую. А он хочет быть «горизонтальной поверхностью для мирного размещения документов в условиях умеренной нестабильности».

— Ладно, — вздохнул я, доставая новый бланк. — Оформляем понижение статуса до «умеренно мирного».

Пока я писал, Слизи вплыл в комнату, сделал три круга по периметру, как будто проверял, не изменилось ли что-то за последние пять минут, и булькнул с такой интонацией, будто только что расшифровал древнее пророчество.

Ургул перевёл:

— Он говорит: «Министерство подъёма сообщает, что Атлантида поднимается!»

Я уронил перо. Оно не просто упало — оно подпрыгнуло, как будто само испугалось этой новости, и укатилось под шкаф, где, судя по тишине, решило уйти в отставку.

— Поднимается? — переспросил Ургул. — А разве мы не тонем?

— Мы тонем чуть-чуть, — автоматически ответил я. — Это наш базовый режим. А «поднимается» — это уже... это уже как если бы чернила вдруг решили, что они чай, и начали завариваться.

И тут — первый поворот.

Из стены выдвинулась табличка на пружинке. Она щёлкнула, подпрыгнула, сделала сальто (честно, я сам не поверил своим глазам, но Ургул и Слизи тоже это видели, а значит, либо мы все сошли с ума, либо таблички теперь проходят курсы акробатики) и выдала:

> «ВНИМАНИЕ! Зафиксирован аномальный вектор плавуности. Атлантида демонстрирует признаки вертикального движения. Причина: Министерство подъёма выпустило цир-

куляр „О радостном воспарении духа и тела“. В качестве меры стабилизации рекомендуется немедленно подписать „Акт о временном запрете на подъём чего-либо вообще“».

— Они... выпустили циркуляр о воспарении? — прошептал Ургул.

— В Атлантиде, — мрачно сказал я, — если министерство что-то выпускает, жди беды. Особенно если в названии есть слово «радостный».

Слиззи булькнул длинную фразу, которую Ургул перевёл как: «А может, это хорошо? Может, мы наконец-то увидим солнце?»

— Слиззи, — сказал я, глядя ему прямо в глаза (насколько это возможно, когда у собеседника нет чётко выраженных век), — если мы увидим солнце, это будет означать, что Атлантида не просто поднялась, а вылетела из воды. А если мы вылетим из воды, то все наши документы намокнут от дождя, чернила расплывутся, а стол №3 скажет: «Я же предупреждал».

Тут — второй поворот.

Колено Ургула издало звук, которого раньше не издавало

никогда. Это был не гул, не стон, не тревожное гудение. Это был... свист. Тонкий, пронзительный, как у чайника, который вот-вот взорвётся.

— Что это? — спросил Ургул, глядя на своё колено с таким ужасом, будто оно только что заявило, что уходит в монастырь.

— Твой коленный барометр, — процедил я. — Он теперь предсказывает не штормы, а... полёты.

В этот момент пол под ногами дёрнулся. Не дрогнул, не качнулся, а именно дёрнулся — резко, как будто Атлантида чихнула.

Слиззи взлетел на полметра вверх, булькнул от удивления и медленно опустился обратно, как воздушный шарик, из которого выпустили воздух.

— Она... поднимается, — прошептал Ургул.

— Да, — кивнул я. — И если мы не подпишем что-нибудь тяжёлое и очень официальное, она поднимется так высоко, что мы встретим птиц. А птицы, как известно, любят клевать пергамент. Это у них такой птичий юмор.

Я схватил стопку бланков, как щит против абсурда, и начал заполнять:

> «Акт №589/П. О временном запрете на подъём чего-либо, включая, но не ограничиваясь: Атлантиду, настроение, уровень оптимизма, пыль, отдельные документы, колени, ожидания, надежды и любые объекты, демонстрирующие признаки вертикального движения».

> Свидетели: архивариус Кракс (я), маг Ургул (он), стол №3 (в статусе «горизонтальной поверхности для мирного размещения документов»), колено Ургула (как независимый датчик аномалий).

> Особые замечания: колено свидетеля Ургула издаёт свист, что может считаться признаком чрезвычайной ситуации. Требуется дополнительная экспертиза в отделе по изучению звуков, которые не должны издаваться суставами.

Пока я писал, Ургул оглядывался по сторонам, как человек, который внезапно осознал, что находится в комнате, которая вот-вот взлетит.

— Кракс... — прошептал он. — А если она поднимется слишком высоко?

— Тогда мы подпишем «Акт о принудительном возвращении к уровню моря», — буркнул я. — У нас на все случаи жизни есть акт. Даже на случай, если город решит стать

спутником.

Тут — третий поворот.

Дверь распахнулась. Не фыркнула, не вздохнула, а распахнулась с таким энтузиазмом, будто хотела сказать: «Наконец-то что-то происходит, а то я тут скучала!»

И вошёл Инспектор по семантике. Господин Морфиус. В плаще, в перчатках, в очках, с портфелем, который на этот раз выглядел так, будто в нём не просто словари, а словари, которые умеют спорить друг с другом.

— Доброе утро, — произнёс он голосом, в котором вежливость звучала как приговор. — Я слышал, у вас тут... подъём.

— Мы его уже почти запретили, — быстро сказал я, прикрывая бланк, как будто он мог оштрафовать нас за слишком решительные формулировки.

Инспектор посмотрел на Слизи, который теперь сидел, прижавшись к полу, будто надеялся, что это поможет ему не улететь. Потом на колено Ургула, которое снова свистнуло — на этот раз как будто в знак приветствия.

— Подъём — опасное слово, — строго сказал Инспектор. — Оно создаёт ложное ощущение лёгкости. А лёгкость в Атлантиде — это первый признак того, что город теряет вес. А потеря веса — это...

— ...это тонет, — закончил я.

— Именно, — кивнул Инспектор. — Или, в данном случае, взлетает. Что ещё хуже.

Он достал из портфеля документ, который выглядел так, будто его писали в состоянии паники.

> «Приказ №22/С. О запрете на использование слов, связанных с вертикальным движением. Запрещённые слова: „подъём“, „взлёт“, „воспарение“, „возвышение“, „подпрыгнуть“, „взмыть“, „улететь“, „парить“, „стремиться вверх“, а также любые производные, синонимы, метафоры и намёки на вертикальное движение. Разрешённые альтернативы: „оставаться на месте“, „не менять вектор“, „сохранять горизонтальную ориентацию“, „держаться за дно“, „быть серьёзным и тяжёлым“. Нарушение карается... (далее шли три страницы мелкого текста, где упоминались такие наказания, как „обязательное изучение этимологии слова „дно“ в течение недели“ и „лишение права использовать восклицательные знаки на месяц“)».

Слиззи булькнул что-то очень грустное. Ургул посмотрел на меня так, будто хотел спросить: «Мы правда живём в этом мире?», но не стал, потому что боялся, что вопрос будет расценён как проявление «необоснованного любопытства» и тоже потребует заполнения формы.

— Хорошо, — сказал Инспектор, убирая приказ. — Теперь главное — не произносить запрещённые слова вслух. Даже шёпотом. Даже мысленно, если возможно.

Он повернулся, чтобы уйти, но в этот момент...

Четвёртый поворот.

Атлантида дёрнулась. Сильно. Как будто кто-то снаружи потянул за невидимую верёвку и сказал: «Ну-ка, посмотрим, как высоко ты можешь!»

Мы все подпрыгнули. Даже стол №3 слегка оторвался от пола, издал звук, похожий на возмущённый «Ой!», и снова опустился.

Слиззи улетел к потолку, булькнул там что-то неразборчивое, медленно поплыл вниз и приземлился на стопку документов, которые на этот раз не стонали, а скорее вздыхали с облегчением: «Ну хоть кто-то нас прижал».

Колено Ургула свистнуло так громко, что Инспектор по семантике вздрогнул и машинально записал что-то в свой блокнот.

— Это... — начал Ургул.

— Это подъём, — мрачно закончил я. — Реальный. Физический. Без метафор.

Инспектор снял очки и посмотрел на меня так, будто я был виноват в том, что гравитация решила взять выходной.

— Вы подписали акт о запрете? — спросил он.

— Почти, — ответил я. — Осталось поставить печать.

— Ставьте, — приказал Инспектор. — Срочно.

Я поставил печать. Оттиск получился в форме якоря, который, казалось, сам хотел удержать Атлантиду на месте.

Но было поздно.

Пол снова дёрнулся. На этот раз сильнее.

Мы почувствовали это странное, неприятное ощущение, знакомое каждому, кто когда-либо был в лифте, который едет не туда: лёгкость в животе, желание схватиться за что-нибудь твёрдое и понимание, что ничего твёрдого в Атлантиде уже нет.

— Мы... летим? — прошептал Ургул.

— Мы поднимаемся, — поправил я, тут же пожалел об этом и добавил: — То есть... мы сохраняем горизонтальную ориентацию в условиях аномального вектора плавучести!

Инспектор по семантике кивнул, будто это объяснение всё прояснило, и достал ещё один документ.

> «Экстренный циркуляр №00/С. В связи с аномальным вертикальным движением рекомендуется немедленно начать декламировать слова с отрицательной семантической подъёмной силой. Рекомендуемые слова: „дно“, „тяжесть“, „груз“, „якорь“, „бетон“, „свинец“, „ответственность“, „долг“, „обязанность“. Повторять не менее 10 раз в минуту до стабилизации ситуации».

Мы начали.

— Дно, — хрипло произнёс Инспектор.

— Тяжесть, — подхватил Ургул.

— Груз, — добавил я.

— Якорь, — булькнул Слизи.

— Бетон, — снова Инспектор.

— Свинец, — Ургул.

— Ответственность, — я.

— Долг, — Слизи.

— Обязанность, — все вместе.

И... сработало.

Атлантида перестала дёргаться. Пол под ногами снова стал надёжным, привычным, слегка скрипучим, но своим.

Колено Ургула перестало свистеть и вернулось к привычному гулу — тихому, успокаивающему, как шум прибоя.

Слизи медленно сполз со стопки документов, булькнул что-то вроде «Фух» и посмотрел на нас так, будто только что

пережил самое странное утро в своей жизни (а учитывая, что он жил в Атлантиде, это было о чём-то да говорить).

Инспектор по семантике аккуратно убрал все документы в портфель, надел очки и кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Кризис преодолён. Но я оставляю вам памятку: «Как не допустить повторного воспламенения духа и тела». Три экземпляра. Подпишите.

Когда он ушёл, мы выдохнули.

— Мы выжили, — прошептал Ургул.

— Пока да, — кивнул я. — Но теперь у нас есть памятка. И три экземпляра.

— Зато Атлантида снова держится, — заметил Ургул.

— Чуть-чуть, — добавил я и тут же замер, будто ожидая, что из стены выскочит табличка с предупреждением.

Но табличка не выскочила.

Вместо этого тень на стене подмигнула.

Не угрожающе. Не грустно. А как будто хотела сказать: «Ну, хоть слово „подмигнуть“ пока не запретили. И на том спасибо».

Мы с Ургулом посмотрели на тень. Тень посмотрела на нас. Слизи булькнул, как будто хотел добавить что-то ободряющее, но потом решил, что лучше просто посидеть и помолчать — в пределах разрешённого уровня тишины.

А в журнале катастроф я сделал запись:

> «День 179. Атлантида держится (чуть-чуть).

> Новые угрозы: аномальный подъём, семантический контроль вертикального движения, циркуляр „О радостном воспарении“, необходимость декламировать слова „бетон“ и „свинец“ для стабилизации плавучести.

> Меры: подписано 4 акта, 2 циркуляра, 3 памятки и 1 «Акт о временном запрете на подъём чего-либо вообще». Запрошено разъяснение: считается ли слово „чуть-чуть“ словом с отрицательной подъёмной силой или его нужно декламировать вместе с „бетоном“ и „свинцом“.

> Примечание: если завтра Министерство подъёма выпустит циркуляр „О счастливом парении в облаках“, я уйду в отпуск. Даже если отпуск под водой — это просто лежать в тёмном углу, молчать и не произносить ни одного слова, которое можно истолковать как призыв к полёту».

И в этот момент стол №3 тихо фыркнул, будто хотел сказать: «Я же говорил, что не хочу быть стратегическим. Мне нравится быть мирным».

Я посмотрел на стол. Стол посмотрел на меня (ну, насколько стол вообще может смотреть). И я понял: в Атлантиде абсурд — это не враг. Это наш способ держаться на плаву.

Хоть и «чуть-чуть».

Но «чуть-чуть» — это тоже результат. Особенно когда речь идёт о подводном городе, который официально не тонет (и не взлетает) только потому, что кто-то вовремя подписал нужную бумагу.

Даже если для этого пришлось декламировать слово «сви-нец» десять раз подряд.

Дневник 1. Часть 8. «Министерство гравитации против Министерства подъёма, или Как Атлантида устроила совещание, которое чуть не перевернуло законы физики»

Утро в Атлантиде началось с того, что даже чернила решили устроить забастовку.

— Они отказываются писать слово «подъём», — сообщил Ургул, разглядывая перо, из которого вместо аккуратных букв вытекали какие-то дрожащие кляксы, будто чернила сами боялись, что их поднимут в воздух. — И ещё они требуют, чтобы мы называли их теперь «биолюминесцентная суспензия с повышенной ответственностью».

— Прекрасно, — пробормотал я, Кракс, архивариус, который уже начинал подозревать, что в этом городе даже молекулы имеют профсоюз. — Значит, сегодня у нас забастовка чернил, стол №3 хочет быть «нейтральной горизонтальной зоной», а колено Ургула, судя по звуку, теперь не просто предсказывает аномалии, а подаёт заявки на участие в симфонических оркестрах.

Колено в подтверждение моих слов издало длинную трель, похожую на вступление к драматическому произведению под названием «Мы все утонем (или улетим)».

— Тише, — прошипел я колену. — Ты пугаешь документы.

Документы, кстати, и правда выглядели напуганными. Они слегка шевелились на полке, будто хотели сгруппироваться и притвориться стопкой, которая ни на что не претен-

дует.

И тут — первый поворот, да такой, что реальность чуть не сделала сальто.

В архив ворвались сразу двое. Не просто вошли, не постучали, а именно ворвались: один — в тяжёлом плаще, увешанном гирьками, медальонами и свинцовыми брелоками, второй — в лёгком серебристом одеянии, от которого, казалось, исходило едва уловимое желание оторваться от пола.

Первый был министр гравитации. Господин Балласт. Он двигался так, будто специально старался давить на пол, чтобы тот не забывал, что он пол.

Второй был министр подъёма. Господин Аэро. Он не столько шёл, сколько плавно скользил, как будто пол был слишком банальной поверхностью для его утончённой натуры.

Они остановились друг напротив друга посреди комнаты, и между ними повисло такое напряжение, что даже тень на стене перестала подмигивать и замерла, будто боялась, что её затянет в этот вихрь противоречий.

— Вы! — рявкнул министр гравитации, тыча пальцем в

сторону министра подъёма. — Это из-за ваших циркуляров Атлантида дёргается, как угорь на крючке!

— А это из-за вашего свинцового пафоса она вообще не может вздохнуть! — парировал министр подъёма, взмахнув рукавом так, что тот на секунду стал похож на крыло.

Я посмотрел на Ургула. Ургул посмотрел на меня. Слизи, который тихо сидел в углу и пытался притвориться обычной лужицей, булькнул что-то вроде: «Может, я выйду? Ненадолго?»

— Останься, — вздохнул я. — Если начнётся драка, кто-то должен будет подать жалобу в отдел по защите прав жидких существ.

Министр гравитации повернулся ко мне. Его голос был низким, тяжёлым, как бетонная плита:

— Архивариус Кракс. Где акт о стабилизации плавучести?

— У меня, — кивнул я, доставая стопку бумаг, которая сама по себе уже была стабилизирующим фактором: столько веса в ней было, что ею можно было придавить даже особо упрямую дверь.

— Отлично, — буркнул министр. — Подпишите. Срочно. И поставьте печать. Желательно свинцовую.

— У нас только якорь, — честно признался я.

— Якорь подойдёт, — процедил министр. — Главное, чтобы он был тяжёлый.

Министр подъёма закатил глаза.

— Тяжёлый? Да мы должны стремиться вверх! Атлантида — это не камень, это... это искра, которая хочет взлететь!

— Искра, которая хочет взлететь, — мрачно ответил министр гравитации, — обычно сгорает. Или падает. И то, и другое плохо для бюджета.

Тут — второй поворот.

Из стены выдвинулась табличка. Она не просто щёлкнула. Она щёлкнула, подпрыгнула, сделала двойное сальто, приземлилась на край стола №3, который тут же возмущённо фыркнул, и выдала:

> «ВНИМАНИЕ! Зафиксировано семантическое столкновение двух министерств. Риск нарушения закона всемир-

ного тяготения — 78%. Рекомендованные меры: немедленно провести экстренное совещание. Присутствовать обязаны все: даже те, кто считает себя «просто лужицей». Даже те, кто «просто стол». Даже те, у кого колено играет марши».

— Совещание? — переспросил Ургул. — Сейчас?

— Сейчас, — отрезал министр гравитации. — И без опозданий. Опоздание — это тоже форма подъёма. Вы как будто говорите: «Я важнее времени».

Министр подъёма хотел что-то возразить, но тут Слизи булькнул неожиданно громко и чётко.

Ургул перевёл:

— Он говорит: «А можно я буду наблюдателем? С правом не высказываться и получать чай?»

Министр гравитации посмотрел на Слизи так, будто оценивал, достаточно ли он тяжёл для участия в совещании. Потом вздохнул:

— Пусть будет наблюдателем. Но чай — после подписания протокола.

Мы переместились в зал заседаний. Это был тот самый зал, где стулья поворачивались синхронно, а таблички вы-

прыгивали из стен, как дрессированные блохи.

Когда мы вошли, стулья медленно повернулись к нам. Не угрожающе. Просто... внимательно. Как будто хотели услышать, о чём пойдёт речь, чтобы потом обсудить это между собой.

Министр гравитации сел и так тяжело опустился на стул, что тот издал звук, похожий на «Спасибо, что напомнил, кто тут главный».

Министр подъёма сел так, будто боялся оставить на стуле свой вес — словно хотел сказать: «Я здесь, но я не навязываюсь».

Я сел между ними, чувствуя себя чем-то вроде амортизатора между двумя противоположными силами природы.

— Итак, — начал министр гравитации, глядя на министра подъёма так, будто хотел взглядом пригвоздить его к полу. — Атлантида нестабильна. Вектор плавучести скачет. Причина?

— Причина, — спокойно ответил министр подъёма, — в том, что мы слишком много думаем о дне. Мы должны думать о небе. Даже если неба нет. Особенно если его нет.

— Если мы будем думать о небе, — рявкнул министр гравитации, — мы улетим. А улетевшая Атлантида — это катастрофа. Это потеря налогов. Это бюрократия в невесомости. Вы представляете, как будут падать бланки?

Министр подъёма побледнел. Видимо, представил.

— Бланки... в невесомости... — прошептал он.

— Именно, — удовлетворённо кивнул министр гравитации. — Хаос.

Тут — третий поворот.

Дверь тихо приоткрылась. В щель просунулась голова Инспектора по семантике. Господина Морфиуса.

— Я слышал, у вас тут... столкновение концепций, — произнёс он, входя и аккуратно ставя портфель так, чтобы он не мешал потоку смысла. — Я должен зафиксировать терминологию.

— Терминологию чего? — буркнул министр гравитации.

— Всего, — спокойно ответил Инспектор. — Например,

слово «подъём». Оно сейчас используется в двух противоположных значениях. Одно министерство понимает его как «стремление к высотам», другое — как «риск потери контроля над плавучестью». Это семантическая дыра. Она может засосать Атлантиду.

Министр подъёма открыл рот, чтобы возразить, но Инспектор поднял палец.

— Не надо. Пока мы не определим, что значит «подъём» в данном контексте, мы не можем двигаться дальше. Ни буквально, ни метафорически.

Я почувствовал, как реальность слегка покачнулась, будто сама пыталась понять, на чьей она стороне.

Пока Инспектор доставал форму «О временном приостановлении использования слова „подъём“ до выяснения семантических границ», Слизи тихо подплыл ко мне и булькнул:

— А если мы скажем «чуть-чуть вверх»?

— Нельзя, — вздохнул я. — «Чуть-чуть» теперь тоже под подозрением. После истории с радостью.

Слизи булькнул ещё раз, на этот раз очень грустно.

И тут — четвёртый поворот.

Пол под нами дёрнулся. Сильно. Так, будто Атлантида пыталась одновременно и подняться, и остаться на месте, и в результате запуталась в собственных намерениях.

Стулья синхронно подпрыгнули на три сантиметра, замерли, как будто сами не верили, что сделали это, и медленно опустились обратно.

Колено Ургула издало звук, который можно было описать только как «апокалиптический вальс».

Министр гравитации схватился за стол, как за последнюю опору здравого смысла.

— Это что было? — рявкнул он.

— Атлантида пытается найти компромисс, — мрачно пояснил я. — Она хочет и держаться за дно, и стремиться вверх. А компромисс в таких делах всегда выглядит как судорога.

Инспектор по семантике достал ещё один бланк.

> «Акт №603/К. О признании Атлантиды существом, ис-

пытавающим внутренним конфликт между стремлением к возвышенному и необходимостью оставаться тяжёлой и ответственной.

> Свидетели: министр гравитации (тяжёлый), министр подъёма (лёгкий), архивариус Кракс (усталый), маг Ургул (нервный), колено Ургула (музыкальное), стол №3 (нейтральный), Слизи (наблюдатель с правом на чай)».

Мы все подписали. Даже Слизи оставил мокрый след, который, если присмотреться, был похож на грустный, но честный росчерк.

Как только последняя подпись была поставлена, Атлантида перестала дёргаться. Пол снова стал надёжным. Стулья перестали смотреть на нас с подозрением. Даже тень на стене снова подмигнула — на этот раз как будто хотела сказать: «Ну вот, опять всё спасли бумажкой».

Министр гравитации встал, тяжело, основательно, как человек, который гордится тем, что его вес — это вклад в стабильность мира.

— Хорошо, — буркнул он. — Пока держимся. Но если снова начнётся «стремление вверх» без согласования...

— ...я сам принесу вам гирию, — закончил за него ми-

нистр подъёма, который теперь выглядел так, будто понял, что иногда лучше быть осторожным в своих стремлениях. — И подпишу обязательство «Не стремиться вверх без письменного разрешения».

Инспектор по семантике кивнул, как будто это было самое разумное, что он слышал за неделю.

— Вот и отлично, — сказал он. — Теперь главное — не забывать подписывать. Подпись — это якорь. Даже если она мокрая.

Когда все разошлись, оставив после себя стопку новых бланков и ощущение, что мир снова балансирует на грани абсурда, мы с Ургулом и Слизи остались в зале.

— Мы опять спасли Атлантиду, — прошептал Ургул.

— Опять, — кивнул я. — Бумажкой.

— Бульк, — сказал Слизи. И это «бульк» звучало как «и слава богу».

А в журнале катастроф я сделал запись:

> «День 180. Атлантида держится (чуть-чуть, но теперь с

официальным разрешением).

> Новые угрозы: семантический конфликт между министерствами гравитации и подъёма, риск потери контроля над весом и смыслом, стулья, которые учатся прыгать, колено, которое становится сольным инструментом.

> Меры: подписано 6 актов, 3 протокола, 2 меморандума и 1 «Акт о признании Атлантиды существом с внутренним конфликтом». Запрошено разъяснение: считается ли слово „компромисс“ словом с нейтральной подъёмной силой.

> Примечание: если завтра появится Министерство неведомости, я попрошу перевести меня в архив, где хранятся только старые, спокойные, ни на что не претендующие документы. И, возможно, стол, который согласен быть просто столом и больше ничего не требовать».

И в этот момент стол №3 тихо фыркнул. Но не возмущённо. А как будто хотел сказать: «Ладно. Я согласен быть просто столом. Но хотя бы раз в месяц давайте мне ванильную полировку. Это не просьба. Это условие стабильности».

Я улыбнулся.

— Договорились, — сказал я столу. — Ванильная полировка. Раз в месяц. Под расписку.

Стол, кажется, удовлетворённо вздохнул.

А тень на стене подмигнула.

И мы поняли: в Атлантиде абсурд — это не враг. Это наш способ держать равновесие.

Хоть и «чуть-чуть».

Но «чуть-чуть» — это тоже результат. Особенно когда на кону — целый подводный город, который хочет и летать, и лежать на дне, и при этом не потерять ни одного документа.

Даже если для этого приходится подписывать бумаги, которые звучат как философские трактаты о природе веса и смысла.

Дневник 1. Часть 9. «Как мы открывали Бюро по изучению подозрительных запахов и чуть не объявили войну водорослям»

Утро в Атлантиде началось с того, что стол №3 подал заявление на отпуск.

— Он говорит, — переводил Ургул, который к этому моменту уже воспринимал общение с мебелью как обыденность, — что устал быть «нейтральной горизонтальной зо-

ной». Ему хочется две недели на коралловом курорте, где никто не будет класть на него стопки бланков, а только сыпать мелкий песок и говорить: «Какой ты красивый, стол!»

— У столов не бывает отпусков, — вздохнул я, Кракс, архивариус, который уже начал подозревать, что если так пойдёт дальше, то скоро придётся вести кадровый учёт для чернильниц.

— А у него есть пункт в трудовом договоре, — невозмутимо ответил Ургул, разворачивая свиток, исписанный мелким, но очень решительным почерком. — «Пункт 7.2: право на отдых в случае эмоционального выгорания от чрезмерной ответственности за сохранность документов».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.